

БОРИС КЛЮЧНИКОВ

ИСЛАМ В ЕВРОПЕ

Благодаря вашим демократическим законам мы овладеем вами.

Имам Измира в немецкой газете
“Ди Вельт”

До 70-х годов число мусульман-мигрантов в Европе исчислялось тысячами, в 80-е годы уже десятками и сотнями тысяч. Большинство из них приезжали на заработки и уезжали домой. Правительства пытались регулировать положение мигрантов, учитывая только потребности предпринимателей в дешёвой рабочей силе. *То, что ныне делают власти и в России, не учитывая прискорбный опыт стран Западной Европы.* Там при постоянной пропаганде демократических прав и свобод нигде, ни в одной стране не удосужились спросить на референдуме народы, коренных европейцев, хотят ли они, чтобы предприниматели завозили уже не тысячи, а миллионы дешёвых рабочих рук?! Хотят ли они, чтобы мигранты оседали на европейской земле, обзаводились семьями, привозили своих детей и жён – иногда не одну, а всех трёх-четырёх? Воссоединение семей за несколько лет многократно увеличивало число иммигрантов. Оно самый мощный фактор роста их числа.

Сколько мусульман поселилось в Европейском Союзе? Самые проверенные и надёжные статистические службы едва ли дадут точные данные. Чаше всего указывают, что среди 490 млн жителей ЕС проживают от 4 до 5 процентов мигрантов мусульман. Левые считают, что их не более 12–13 млн, правые – что от 25 до 30 млн. Немецкий институт “Исламский архив” давал на конец 2007 г. 53 млн на всём континенте Европы до Урала, включая европейскую Турцию, Азербайджан, российские автономии на Волге и на Северном Кавказе, мусульманские государства Боснию и Герцеговину, Санджак, мусульман в Македонии и Сербии, а также 1,5 млн мусульман в Москве. Это очень приблизительные цифры, они могут ввести серьёзного исследователя в заблуждение. Важно не упускать из виду, что евроислам – это не только 20–25 млн недавних иммигрантов из мусульманских стран и их дети, но 9 млн граждан бывшей Югославии, Болгарии, Молдавии и 15 млн жителей Стамбула. На южном берегу Средиземного моря над Европой нависают ещё более сотни миллионов мусульман.

Что касается собственно Евросоюза, то положение значительно осложняется тем, что мусульмане обычно не смешиваются с европейцами. Они селятся отдельно, на окраинах городов, которые часто превращаются в мусульманские гетто. В них устанавливают свои порядки, основанные на привезённых обычаях и обрядах. Коренные жители в эти гетто опасаются заходить, потому что там высокая преступность, нищета, враждебность к белым. Полиция тоже избегает встреч с их обитателями, а если появляется там, то усиленными нарядами.

В Роттердаме 25% населения в 2008 году составляли мусульмане, в Амстердаме – 24%, в Марселе – 20%, в Париже – 10%. В целом можно считать, что процент мусульман в Евросоюзе не высок – 5–6%, от 6% во Франции до 0,5% в Швеции, хотя в больших промышленных городах их доля, как правило, поднимается до 10% и выше. На форуме “Диалог цивилизаций”, в октябре 2010 г. (проводится ежегодно на Родосе под председательством В. Якунина) парламентарий из Франции сообщил, что “в результате процессов миграции во Франции заметно обновилось население – около 15% её граждан имеют внеевропейское происхождение, исповедуют иную религию и имеют иные традиции”.

Из этой статистики вытекает следующий факт: *ислам в Европе пустил прочные корни*. Речь идёт не о старых оттоманских анклавах мусульман на Балканах, не о тех 9 млн южных славян, чьи предки отступили от христианства, кто по убеждению, кто из корысти в погоне за золотом и чинами, кто из робости и страха. Нет, речь идёт о *новом факторе* в жизни народов Западной Европы – о евроисламе, становление которого началось в 70-е годы. За 30 лет число мусульман удвоилось. К 2015 г. число мусульман в Евросоюзе вновь удвоится. Исследователи называют этот феномен демографической бомбой. В СМИ муссируются сообщения, что в столице Евросоюза Брюсселе было замечено – среди имён десяти новорождённых мальчиков не было ни одного христианского: семь первых – Мухаммед, Айюб, Райен, Мехди, Амин, Хамза, Селим¹.

Быстрые изменения такого рода в составе населения Евросоюза, конечно, имеют далеко идущие последствия для всего образа жизни в Европе. Для состава рабочей силы, для стандартов жилья, для питания, для образования, для культуры, наконец, для обрядов захоронения. Исламский фактор уже оказывает заметное и всё возрастающее влияние на внешнюю политику европейских государств.

Кто из тех, кто завозил дешёвую рабочую силу, задумывался о таких последствиях? Первым следствием этого стал рост антисемитизма с чёткой корреляцией его накала с долей мусульман в различных европейских странах.

Растёт и исламофобия. Мусульманская диаспора прочно обеспечивает успех правых партий на выборах практически во всех странах Евросоюза. Такковы неожиданные повороты истории: пятьдесят лет людей в Европе стращали еврокоммунизмом, а они столкнулись с евроисламом и быстрым ростом националистических настроений и ксенофобских организаций. У европейцев в этом вопросе нет единого подхода, единой иммиграционной политики.

Лидеры европейских государств за последние десятилетия несколько раз меняли политику в отношении иммигрантов. Для примера возьмем Францию, которая считается испытательным полигоном различных социальных экспериментов. До начала нового столетия политика Франции в отношении мусульманских иммигрантов сводилась к их социальной интеграции, то есть соответствовала подходу к иммигрантам из стран христианского мира. Последних удаётся не только интегрировать во французское общество, но и ассимилировать. Уже во втором поколении их дети становятся французами, представителями французской культуры. Иначе происходит с мусульманской диаспорой. Она не только не желает ассимилироваться, но не может даже мягко интегрироваться. Это отмечается в докладе “Ислам в Республике”, представленном премьер-министру Франции ещё в 2002 г.².

Между тем в течение четверти века меры принимались чрезвычайные. В докладе отмечалось, что из-за проблем с мусульманской диаспорой французские власти стали пересматривать три основных постулата государственности: светскость, гражданственность и равенство. Основой политики интеграции все эти три десятилетия оставался закон 1905 г. об отделении церкви от государства. Согласно ему религии, в том числе основная – католическая, не должны вмешиваться в дела общества и его социальные процессы. Это означало, что мусульманство имеет те же права и обязанности, что и католическая церковь, тем более что по численности оно потеснило протестантство, став второй религией Франции. Более того, власти пошли на уступки исламу, допустив известную гибкость в применении законов, учитывая исламские дог-

¹ The Telegraph, London, August 8, 2009.

² Rapport au Premier Ministre. Islam dans la Republique. Documentation Française, 2002.

маты, обычаи и традиции. Но и тогда, и теперь власти Франции утверждают, что все основные законы, обычаи и принципы французского общества должны непоколебимо соблюдаться. Это прежде всего принцип равенства полов, веротерпимость, свобода слова, права человека. Школа не должна допускать, чтобы из-за религии родители заставляли менять учебную программу. Уроки рисования обязательны и для мусульман, уроки физкультуры – и для девочек мусульманок, включая плавание в бассейнах.

Второй принцип – гражданственность – предполагает внедрение среди иммигрантов жизненных ценностей и нравственных норм французской нации. “Интеграция мусульман на французской земле, – утвердилось в докладе, – должна способствовать обогащению французского общества за счёт вклада других культур и религий”. Спустя десять лет авторы вынуждены были признать, что они допустили большую ошибку: они предположили, что интеграция мусульман будет проходить подобно тому процессу медленной ассимиляции и гибридизации различных племён, народов и рас, который совершился в течение многих веков французской истории. Основная цель новых рекомендаций: Франция должна оставаться Францией, без возникновения параллельного “Франкостана”. *Франция не должна стать страной-мозаикой народов и религий, она должна составлять единое гражданское общество.* Это означает, что французы не допускают никаких автономных республик, областей, федераций – то, что в России допустили большевики, превратив единую территорию империи в мозаику народов, народностей и племён.

Что касается третьего постулата – равенства, то задача по-прежнему состоит в том, чтобы дать мусульманам не только равные права, но и равные возможности для интеграции в жизнь французского общества. Нельзя сказать, что эта программа полностью провалилась. Нет, французские интеллигенция, рабочий класс, сфера услуг пополнились многими способными выходцами из мусульманской диаспоры. Статистика, однако, отмечает, что основная масса мусульман, особенно те, что компактно проживают в пригородах-гетто, трудно поднимается по социальной лестнице. Гораздо медленнее, чем дети французских рабочих и крестьян, многие из которых благодаря образованию достигают самого высокого социального статуса. Заметно успешнее интегрируются во французское общество не только выходцы из других европейских стран, в том числе из России, но и индусы, вьетнамцы, иммигранты из Таиланда, Лаоса.

Опыт Франции подтверждает старую истину: ислам – это не только религия, но и образ жизни. Поэтому он влияет не только на верующих, соблюдающих пять основных заветов, совершающих пять раз в день намаз, соблюдающих рамадан, вносящих зекат, но и на миллионы других иммигрантов. Им, бесспорно, многое нравится в европейской жизни: высокий уровень потребления, честность в быту и в делах, вежливость. Всего этого у них не хватало или просто не было на родине. Но многое в европейской жизни они не могут принять. Семейные традиции и обычаи, сохраняющиеся в мусульманских общинах, так прочны и влиятельны, что и во втором и третьем поколениях люди предпочитают руководствоваться ими. Не могут они смириться с алкоголизмом, с половой распущенностью, с гражданскими браками, с брачными контрактами, не говоря о гомосексуализме. Они скорее простят вора, чем проститутку или гомосексуалиста. А им власти вменяют уважать мэров, депутатов, актеров и т. д., которые известны как открытые мужеложцы.

Показательны в этом отношении Нидерланды, страна продвинутого либерализма. Надо признать, что в этой стране больше, чем где-либо, сделано для интеграции мусульман в голландское общество. Голландцы начали учить их терпимости, толерантности, уважению прав всех людей. Но как неуклюже учат! Нашли, например, какого-то проходимца из Марокко, объявившего себя имамом с любезным слуху мусульманина именем Усама. Не бен Ладен, но всё-таки! Он занял примирительную позицию в отношении гомосексуализма. Организовал фестиваль геев, перед которыми произнёс такую речь: “Я не держу гомосекоискателя при входе в мою мечеть. ... Каждый пусть приходит и молится”. В Коране между тем есть семь стихов, в которых Пророк сурово осуждает содомитов. В мусульманских странах их живьём закапывали в землю. Конечно, такой имам был объявлен отщепенцем, а его проповедь святотатством. Имамов стали завозить из истинно исламских государств.

Для мусульманской молодежи такие либеральные прелести – не права человека и гражданина, а декадентство, нравственное разложение, терпимость

к ним коренного населения – трусость, рабское законопослушание. При подобном взгляде на европейцев у многих мусульман возникает к ним презрение. Слабых нельзя уважать, слабых бьют. Экстремисты и подталкивают к этому мусульманскую молодёжь. Они уверены, что европейцы, углубляя секуляризацию, всё дальше отходят от Бога и его заповедей. Их учат, что европейцы уже дехристианизировались и потому их *иммунная система ослаблена и не выдержит столкновения с такой мощной цивилизацией, с такой яростно наступающей религией, какой является Ислам.*

К национальным и религиозным противоречиям добавляются и классовые противоречия нещадно эксплуатируемого рабочего класса. Вместе с тем в Евросоюзе нет такого хищного и взрывоопасного социального явления, как “торгующее меньшинство” в России, которое обогащается за счёт тружеников и презрительно относится к государствообразующему народу, традиционно не склонному к торговле и посредничеству. Нигде в Европе не потеряли бы такого наглого, развязного поведения. Тем более что “торгующее меньшинство” – это наши сограждане. Но они склонны организовывать монопольный бизнес на этнической основе. Такой “бизнес” легко перерастает в этнические криминальные группировки. Подобные нарывы европейская полиция немедленно и беспощадно уничтожает. В Евросоюзе они практически искоренены.

И тем не менее европейцы недовольны своими властями, особенно их заигрыванием с диаспорами. Специалист по исламу Александр дель Валь ещё 10 лет назад пессимистично оценивал ситуацию с мусульманской диаспорой: “Старые европейские нации очутились в капкане собственных гуманистических ценностей, основанных на правах человека и свободе слова. . . Они во всё большей мере оказываются неспособными противостоять мощному процессу исламизации континента”¹.

Европейский парламент, который зорко следит за соблюдением законов, прав человека и за выборами в чужих странах, наконец-то озаботился собственными проблемами, а именно процессами интеграции и дезинтеграции мусульманства в европейском доме. Парламент привлёк видных экспертов к работе над докладом “Ислам в Евросоюзе”². В этом солидном исследовании верно объясняются социальные причины массовой миграции мусульман в Европу. Настолько массовой, что авторы называют её “третьей встречей Европы с исламом” (первые были в VIII и XII–XVII веках, причём оба раза далеко не мирные. – Б. К.). Авторы доклада предлагают систему мер, чтобы новая встреча с исламом оказалась образцом взаимного уважения и “сосуществования”. Террор исламистов они считают делом отщепенцев, а не фундаменталистов.

В докладе содержится и критика прошлой политики. Главной ошибкой автор считает то, что европейцы – недавние колонизаторы – исходили из убеждения, что у мигрантов нет своей культуры, или она настолько незначительна, что не сможет устоять перед блестящей европейской цивилизацией. И потому, дескать, мусульман можно будет легко ассимилировать, “окультурить”. Вторая ошибка ещё более грубая – европейские стратеги исходили из того, что иммигранты так же слабо связаны с религией Мухаммеда, как европейцы с Христом. Ошибка эта была сделана ещё в 70-е годы XX века, когда первые мигранты действительно не были связаны с религией. В Европе почти не было мечетей. В 70-е годы зарегистрировано несколько десятков мечетей³, в 80-е годы – 2000, в начале XXI века уже 8000, ныне – десятки тысяч мечетей и молельных домов.

Ислам стал для миллионов иммигрантов важной частью их особой идентичности на враждебном эксплуататорском Западе. Саудовская Аравия и прочие нефтедобывающие монархии многократно увеличили свои нефтяные доходы и стали щедро финансировать возвращение к исламу не только на Арабском Востоке, но и в Европе. Мусульмане, к большому недовольству европейцев, перестали восхищаться Европой и её порядками. Верующие стали посылать детей на учёбу в Саудовскую Аравию, в Ливию, в Эмираты. Многие из них возвращались имамами, а некоторые – исламистами с грёзами о всемирном халифате и о джихаде.

¹ Alexandre del Valle. Islam et Avenir de l'Europe. Internet, 21 Janvier 2001.

² Islam in the European Union. Paper for the European Parliament. What is at Stake in the Future, 194 pages.

³ См. первое исследование по европейскому исламу: Catani M. Le Journal de Mohammed, Stock, Paris, 1973.

Надо признать, что большинство имамов и мусульманских организаций сотрудничают с властями и делают упор на воспитании иммигрантов на высоких нравственных примерах, ведут борьбу с преступностью, настаивают на путь соблюдения европейских законов. Европейские власти помогают создавать мусульманские организации, и в том числе культурные, спортивные, женские, детские. Но отмечается рост и подпольных ячеек, которые зовут молодёжь к вооружённой борьбе с “неверными”, против загнивающего Запада и деспотических прозападных режимов на Арабском Востоке. Их пока немного, но они подливают масло в пламя враждебности, настраивают коренных жителей Европы против всех мусульман.

Опыт Евросоюза наглядно указывает, что либеральные стратегии приручения мусульманских иммигрантов не срабатывают. *Провалились планы ассимиляции и плавной социальной интеграции.* И тогда обескураженные власти в Европе решили использовать опыт Канады, получивший название мультикультурализма. Это ещё одна либеральная программа. Она, в противоположность прежним стратегиям, предусматривает поддержание в стране сосуществования различных культур и поддержку более слабых из них. В ней мы узнаём не только опыт Канады, но и советскую национальную политику. В теории, это программа сосуществования различных культур, которые взаимно обогащают друг друга и мирно живут рядом. В идеале мультикультурализм должен скреплять народы в единое общество.

К сожалению, *опыт показывает, что мультикультурализм тоже не способен решить проблемы, связанные с мусульманской диаспорой.* Дело в том, что у ислама свои обычаи, которые во многих отношениях не совместимы с европейскими законами и моралью. Полигамия, т. е. многожёнство не может быть признано европейским правом, которое проистекает из христианской морали. Ислам ни в коем случае не признаёт однополые браки. Либерасты же сделали их законными даже в ряде католических стран, наплевав на христианскую мораль. В Англии, на родине демократии и англосаксонского права, на каждом шагу вам напоминают, что вы должны соблюдать законы, потому что это основа величия Великобритании. Однако, по утверждению газеты “Телеграф”, “в наши дни в Англии параллельно с привычными английскими юстицией и юриспруденцией действует шариат”¹. Из Германии сообщают, что каждый четвёртый турок, постоянно проживающий в Германии, не понимает немецкий язык и не желает его изучать и пользоваться им. Он голосует согласно наставлениям турецких организаций. Удивительно ли, что канцлер Ангела Меркель в октябре 2010 года признала, что с “мультикультури” (т. е. с мультикультуризмом) пора заканчивать. Худое дерево не даёт добрых плодов. Либералы в Европе тупо сеют семена собственного уничтожения.

Каким образом будет выбираться Европа из этого тупика? Налицо конфликт разных фаз этногенезиса. Пассионарная мусульманская диаспора наступает на дехристианизированные народы Европы, которые, как и русские, находятся в фазе упадка пассионарности. Состояние, которое Л. Н. Гумилев называл обскурацией. Налицо несовмещение культурно-психологических доминант. Это проявляется в безотчётной антипатии друг к другу.

В этой обстановке выступают пока ещё разрозненные правые националистические партии и идеологии. Все они против мультикультурализма. Всё чаще озвучиваются расистские идеи и теории, вроде того, что метисы несчастны, потому что “вынуждены всю жизнь барахтаться в хаосе различных расовых потоков крови”. Или что некоторые расовые примеси порождают благоденствие, другие, напротив, добавляют “тяготение к вульгарным плотским удовольствиям и излишествам”. В Европе реально прорастает угроза новых версий расизма, притом с обеих сторон.

Ситуация подобна той, о которой рассказывается в книге “Бытия”, “когда непоместительна стала земля для них (Авраама и Лота. — **Б. К.**), чтобы жить вместе... И сказал Авраам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою... Отделись же от меня. Если ты налево, то я направо, а если ты направо, то я налево”². Но не те нынче времена! Теперь так просто и мирно народам не разойтись. Наступает глобализация. Под напором финансового капитала она пошла по руслу столкновения цивилизаций.

Нужно найти новый вектор развития, который будет способствовать взаимодействию народов и цивилизаций.

¹ Telegraph Muslim Europe: the demographic time bomb transforming our continent. August 13, 2009.

² Библия, Быт., гл. 13, 6–11.